

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

В 1662 г. из России в Англию было отправлено посольство поздравить английского короля Карла II с благополучным возвращением на наследственный трон. Посольство возглавил князь Петр Прозоровский, вместе с ним в Англию поехал известный русский дипломат И. А. Желябужский, который к этому времени исполнил уже ряд важных дипломатических миссий. Помимо участия в переговорах с английскими министрами он должен был выполнить несколько поручений не только в Англии, но и в Италии. Одно из них было связано с необходимостью добыть средства для продолжения войны с Речью Посполитой. И в Англии, и в Италии он должен был стараться получить займы, прежде всего у купцов, ведущих торговлю в Архангельске. Некоторые другие поручения были достаточно стандартными для ездивших за границу русских дипломатических миссий: следовало призывать в Россию медиков — знатоков лекарственных трав, и мастеров горного дела, которые могли бы найти на русской территории месторождения драгоценных металлов (прежде всего серебра).

Среди этих поручений было, однако, два довольно необычных и представляющих явный интерес для изучения появившихся в то время в Москве новых планов экономической политики. На одно из таких поручений справедливо обратил внимание еще С. М. Соловьев¹. И. А. Желябужский, посетив на пути в Англию Курляндию, должен был добиваться организации при содействии курляндского герцога русской торговли с заморскими колониями. Как представляется, интерес к самой идее организации такой торговли появился в Москве под влиянием сообщений выехавшего в 1650 г. в Россию французского дворянина Жана де Грона, служившего до своего выезда курляндскому герцогу и участвовавшего в торговле, которую вела Курляндия со своими владениями в Вест-Индии².

По-видимому, под влиянием бесед с Ж. де Гроном царь обратился в 1652 г. к курляндскому герцогу с предложением построить для него в Курляндии 4 корабля, которые плавали бы вместе с кораблями герцога³. С началом русско-шведской войны открылась возможность добиться прямого выхода к Балтийскому морю, но возможность эта была надолго утрачена после заключения в 1661 г. в Кардисе «вечного мира» со Швецией. В этих условиях следовало искать других путей для налаживания русской морской торговли, и в Москве вспомнили о Курляндии.

Теперь шансов на успех было больше, чем в 1652 г. В 1662 г. под русской властью продолжала находиться «польская Ливония» с ее главным центром — Динабургом. Тем самым у Русского государства и Курляндии имелась общая граница и можно было наладить морскую торговлю в обход шведских и польских владений.

Ознакомиться с задуманным планом дает возможность запись беседы И. А. Желябужского с канцлером курляндского герцога Якоба М. Фелькерзамом, состоявшейся в Риге 22 сентября 1662 г.⁴ Царский посланец хотел выяснить, куда ходят корабли герцога «для пряных зелей и для овощей», сколько времени займет такое путешествие и каких потребует расходов «людским наймом и запасы». Одновременно через канцлера И. А. Желябужский предлагал герцогу или купить для царя готовые суда, или нанять мастеров и построить их в Курляндии, «а во что ему те корабли станут, и то ему от великого государя из казны заплачено будет». Он также интересовался

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI. С. 531–532.

² Бакланова Н. А. Ян де Грон — прожектор в Московском государстве XVII в. // Ученые записки Московского института истории. М., 1929. Т. 4. С. 109–122.

³ Вайнштейн О. Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1951. № 130. С. 177.

⁴ РГАДА. Ф. 63 (Сношения России с Курляндией), 1662 г. № 1. Л. 2.

у канцлера, какие товары возят из Курляндии в Вест-Индию для торговли с местными жителями⁵. Все приведенные факты ясно указывают, что в Москве серьезно думали об участии в океанской морской торговле, которая, по общему убеждению современников, была одним из главных источников богатства европейских стран⁶.

Слабым местом в задуманном плане были надежды на сотрудничество с курляндским герцогом. После неудач, постигших русскую армию в войне с Речью Посполитой в 1660 г., герцог Якоб становился все менее склонным к сотрудничеству с Россией. Когда И. А. Желябужский на пути в Ригу направил своих гонцов к герцогу, тот их «к себе не имал, боясь поляков, и велел их на дворе держать тайно», так как иначе «беду великую учинят поляки и их погубят»⁷. Своего канцлера герцог специально послал в Ригу, чтобы избежать приезда И. А. Желябужского в Курляндию. М. Фелькерзам, обещая в общей форме содействовать осуществлению предложений царя, одновременно заметил, что в Курляндии корабли строить «дорого, что все из ыных земель на корабельные строенья привозят» и что царю «пристойно заводить» корабли «у Архангельского города»⁸. Об этом, очевидно, говорилось и в письменном ответе на русские предложения («письмо и роспись тем статьям, что говорено с канцлером»), который прислали И. А. Желябужскому 25 сентября⁹.

И. А. Желябужскому было дано и другое важное поручение. Как следует из его отчета о поездке, он должен был в разных европейских странах «мастеров к суконному делу призвать... к заводу и к учению». Предполагалось, что такие мастера смогут «выехав, сукна завести и делать вскоре», т. е. сразу наладить производство¹⁰. Таким образом, после создания в середине XVII в. казенных заводов, производивших вооружение, в Москве решили попытаться создать и при этом как можно скорее казенные суконные мануфактуры. Вероятно, это было связано и с созданием в армии полков «нового строя», солдат которых следовало обеспечить одеждой.

Поиски в Италии оказались неудачными. Во Флоренции, как выяснил посланец, «сукна делают немного»¹¹. В Венеции, как оказалось, «суконных заводов есть не само много, а делают сукна толстые, которые сукна называют в Московском государстве турецкими»¹². Совсем по-иному посланец оценил положение дел в Англии. В своем отчете он писал, что «суконных промыслов всех государств болши в Аглинской земле и мастера лутчие тут, и шерсть в сукна всех угожее аглинских овец», только окраску сукон лучше производят в Голландии¹³.

Именно в Англии посланец старался выполнить данное ему поручение, но здесь он столкнулся с непредвиденными трудностями. Выяснилось, что мастеров нанять можно, но быстро производство они не наладят, так как для этого требуются еще и рабочие разных специальностей. «Завод суконный, — писал он в отчете, — разными работниками ставитца дорог», а сделать так, чтобы вместе с мастерами поехали в Россию «к разным статьям суконного дела люди многие всех статей», оказалось не по его возможностям. В своем отчете он писал, что потребуется время и для обучения рабочих, и для создания условий производства, так, следует построить водяную мельницу, «а без мельницы суконное дело делать не споро»¹⁴.

Оба данных ему поручения И. А. Желябужский, таким образом, не выполнил, но сам факт, что такие поручения были даны, говорит о том, что в Москве в начале 60-х годов XVII в. серьезно

⁵ Там же. Л. 3, 5–6.

⁶ Флорентийский герцог, отказываясь предоставить царю заем, ссылался на свою бедность, связанную с тем, что он «кораблями ни для каких промыслов никуда не посылает» (Там же. Л. 20).

⁷ Там же. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 4.

⁹ О посылке документа см.: Там же. Л. 8.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 30.

¹² Там же. Л. 33.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же.

размышляли о путях развития русской экономики, прежде всего русского государственного хозяйства. Заслуживают внимания некоторые детали, связанные с поездкой. Так, в начале своей миссии И. А. Желябужский поднес соболя герцогу курляндскому и его канцлеру. В его отчете отмечено, что соболя были получены из Приказа тайных дел — личной канцелярии царя¹⁵. В самой поездке И. А. Желябужского сопровождало доверенное лицо царя — подьячий Приказа тайных дел Юрий Никифоров¹⁶. Это дает основание утверждать, что поручения, данные И. А. Желябужскому, исходили прямо от Алексея Михайловича.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Л. 9, 24.